

Военная хитрость: бревна на колесах (должны изображать пушки).

Письма к молодежи.

А. С. Изгоева.

Письмо первое.

1.

Год за годом наслаиваются впечатлѣния жизни, свои ошибки и оправдавшіяся предвидѣнія; надежды, восторги, скептические допросы ума; невѣдомо когда прочно угнѣздившіеся въ душѣ образы и стройныя теоріи изъ книгъ; люди и книги, извлекавшія подчасъ изъ сердца больше жара, чѣмъ люди. Все это бродило, бродитъ еще и теперь. Но сквозь пѣну и накипь чувствуешь, какъ нѣчто уже отстаивается въ душѣ. Проясняются чувства. Яснѣе становится чувственное происхождение идей. Мысли твердѣютъ. Увѣренный въ себѣ, становишься терпимѣе къ другимъ. Спокойное знаніе самого себя ведетъ и къ лучшему пониманію другого.

Такъ накапливается душевный опытъ и отвердѣваетъ въ убѣжденіе. Хочется, чтобы добытое тобою, и подчасъ не дешевой цѣной, не пропало даромъ. „Я въ міръ не оставлю брата“—съ тоской говорилъ такой „сильный“ человекъ, какъ Лермонтовъ. Мы слабѣе его. Мы хотимъ оставить по себѣ и братьевъ, и дѣтей, и внуковъ.

И хотя жизнь не разъ насъ учила, что она ничему не учитъ, и что каждое поколѣніе и каждый человекъ на свой ладъ повторяютъ всѣ старыя ошибки.. но все-таки. Если мы пишемъ, значить, думаемъ, что когонибудь наши слова научатъ, отъ чегонибудь предостерегутъ.

А если есть такая надежда, то къ кому же обращаться со своимъ словомъ, какъ не къ молодежи?

2.

Въ Россіи это—самый чуткій интеллигентный читатель. Онъ беретъ книгу или журналъ въ руки не потому только, что есть свободное время, а опытомъ другихъ желаетъ освѣтить себѣ свою дорогу.

Но,—говорятъ,—этотъ самый чуткій читатель въ то же время и самый деспотичный.

Утверждаютъ, что онъ на книгу смотритъ какъ на путе-водитель, въ которомъ ему знакомы лишь нѣсколько станціи.

Говорятъ, будто вся его любознательность и сводится къ варьированію маршрутовъ между этими десятками извѣстными

пунктами, а весь остальной широкій міръ такъ и остается въ поля его зрѣнія. Другихъ станціи онъ не только не знаетъ, но и не хочетъ знать.

Что-жь, въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды. Боритесь съ этой узостью кругозора. Описывайте другія станціи, развертывайте дали. Въ концѣ концовъ насмѣшкой не убьешь истинную красоту, какъ окрикомъ не заставишь замолчать подлинную науку.

Надо сознаться, дѣйствительно наша интеллигентная молодежь до послѣднихъ лѣтъ не только мало видѣла настоящей жизни, но и сознательно не желала ея видѣть. Она жила въ міръ фикціи, мнимыхъ величинъ, мнимыхъ силъ, игнорируя дѣйствительныя жизненныя силы. То съ свирѣпо-революционнымъ, то съ мечтательно-философскимъ видомъ блуждала она между трехъ сосенъ, думая, что тѣмъ самымъ и перестраиваетъ радикально нашъ грѣшный міръ сверху донизу.

3.

Отсюда и пошли несомнѣнно присущія нашей интеллигентной молодежи презрительное высокомеріе къ окружающему и нетерпимость. Эти свойства мѣшали ей проникать въ толщу народныя. Каждый честный разговоръ съ интеллигентной молодежью долженъ, по моему глубокому убѣжденію, начинаться съ указанія на этотъ ея душевный грѣхъ. Намъ нужно извѣстное душевное смиреніе. Безъ него не можетъ быть настоящей науки, т. е. изученія того, что дѣйствительно есть. А безъ такого изученія не можетъ быть и настоящаго плодотворнаго дѣйствія.

Надо постоянно твердить нашей молодежи:

Не забывайте, что вы живете въ странѣ со 170-миллионнымъ населеніемъ, которая складывалась путемъ сложнѣйшаго многовѣкового процесса. Вы имѣете дѣло съ десятками народовъ самыхъ разнообразныхъ расъ, возрастовъ, культуръ, историческихъ воспоминаній. Соединеніе ихъ, кое гдѣ еще и теперь механическое, стремится повсюду перейти въ органическое. Въ учрежденіяхъ, бытѣ, нравахъ этого гигантскаго, на оконечностяхъ своихъ еще не оформившагося, организма конечно много отсталого, вреднаго, тяжелаго. Нужны реформы, а подчасъ и рѣшительныя операціи. Но не думайте, что эти нескладные продукты органическаго развитія можно замѣнить продуктами рецептурнаго творчества прочтавшаго десятокъ книгъ человека. Только функционированіемъ органовъ самаго этого организма, только внутреннимъ движеніемъ частей могутъ создаться не мнимыя, а дѣйствительныя преобразовательныя силы. А для этого прежде всего надо знать...

Не составляйте ни социальныхъ, ни политическихъ программъ. Это—легкое и пустое дѣло. Не сочиняйте ни новыхъ вѣръ, ни новыхъ религій. Живущіе въ Россіи народы исповѣдуютъ десятки разныхъ вѣръ. Изучайте лучше ихъ—это подлинныя социальныя силы. Сквозь чуждыя вамъ и архаическія формы умѣйте различать то подлинное, что отвѣчаетъ запросамъ человѣческаго духа и заставляетъ идти на жертвы.

4.

Я знаю обычно приводимое тутъ возраженіе:

Вы проповѣдуете смиреніе, приниженіе критически мыслящей личности предъ предрасудками невѣжественной толпы... Вы хотите утопить интеллигенцію въ обывательщинѣ, заставить отказаться отъ активнаго переустройства общества на началахъ разума и справедливости.

Такія возраженія—частію полная неправда, частію полемическое извращеніе. Проповѣдуется не смиреніе въ смыслѣ отказа отъ своей воли, а отказъ отъ высокомерія. Тутъ разница не только въ отнѣнкахъ. Масса необразована. Это—вѣрно. Ее надо учить—безспорно. Но безспорно

также, что и она, живя тысячелѣтія родовой жизнью, изъ поколѣнія въ поколѣніе принесла и свою науку, которой нельзя пренебрегать. Этой наукѣ надо самому научиться, хотя бы для того, чтобы затѣмъ успѣшно учить народъ.

Принизить интеллигенцію до обывательщины... Нѣтъ, отъ этого да пощадить судьба Россію! Если это произойдетъ, нашу страну окутаетъ безпросвѣтный мракъ, въ ней потухнетъ всякій огонь. Не то, не то... Напротивъ, надо добиваться, чтобы интеллигенція горѣла ярче и ярче, чтобы свѣтъ отъ нея доходилъ до большихъ и большихъ массъ, чтобы этотъ свѣтъ былъ дѣйствительно лучемъ грѣющимъ и свѣтящимъ, а не громошпиющимъ фейерверкомъ.

5.

На одномъ частномъ, злободневномъ примѣрѣ позволю себѣ пояснить, какъ далека я отъ принижена интеллигенции.

Отъ эпохи 60—70 годовъ русская интеллигенція получила между прочимъ въ наслѣдство одно чувство великой цѣнности и большой силы. Я говорю о чувствѣ ответственности за другихъ, сознавая своей совинности въ общемъ злѣ и обязанности искупить его вплоть до жертвоприношенія собою. Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ это чисто христіанское по своему происхожденію чувство было отщеплено недодуманнымъ рационализмомъ отъ религіознаго корня и какъ оно жило и примѣнялось въ атеистической обстановкѣ. Но теперь рѣчь идетъ не объ этомъ.

Это чувство, облекаясь въ самыя разнообразныя и прихотливыя одежды, до послѣднихъ дней продолжаетъ быть нравственнымъ двигателемъ русской интеллигенции. Когда оно исчезнетъ, исчезнетъ и русская интеллигенція. Тогда-то и наступитъ мракъ.

Недавно это чувство опять сказалося, и притомъ съ очень большою силой. Но я увѣренъ, что многіе его не узнали. Я увѣренъ, что многіе не усмотрѣли преемственности между знаменитымъ „хожденіемъ въ народъ“ семидесятниковъ и тѣми манифестациями съ портретомъ Государя и гимномъ, которыми русское студенчество встрѣтило привлеченіе ея въ этомъ году къ „налогу крови“. А между тѣмъ это такъ. Студенчество манифестировало не тѣ или инныя свои политическія убѣждения, а радостный вздохъ своей совѣсти.

Интеллигентная молодежь пользовалась льготами по воинской повинности. Въ идеѣ она за эти льготы обязывалась приобретать знанія, которыя столь же необходимы народу, какъ и войско. Но въ этомъ году призывъ получалъ другой смыслъ. Отсрочка была уже не отсрочкой по отбыванію той или иной тяжелой повинности, а льготой, навѣрняка избавляющей человѣка отъ угрозы смерти.

И совѣсть русской интеллигентной молодежи заговорила и нашла себѣ выраженіе въ традиціонно-историческихъ символахъ. И если нужны еще кому доказательства, что Россія—живая, великая страна съ большимъ будущимъ, то, прислушавшись къ громко прозвучавшему голосу русской совѣсти, этотъ Ома Невѣрный найдетъ свое свидѣтельство...

Но жить одной совѣстью нельзя. Нуженъ еще и разумъ. И то, какъ военная власть отнеслась къ этому яркому порыву молодежи, какъ внимательно и осторожно она его использовала, свидѣтельствуетъ, что есть у насъ и разумъ.

Прежде всего военная власть сказала: интеллигентныя силы я хочу использовать на офицерскихъ постахъ. Тамъ мнѣ онѣ нужныѣ, чѣмъ въ рядовомъ строю.

Студенты не могли сказать: мы хотимъ идти въ офицеры. Они могли и должны были только сказать: мы хотимъ принести въ жертву наши жизни, мы не можемъ находиться въ безопасности, когда пагъ головами нашихъ непривилегированныхъ сверстниковъ-согражданъ ежедневно выгаегъ смерть. Ничего другого не могло бы и вылиться изъ устъ молодежи.

М. И. Маджаровъ, болгарскій посолъ въ Петроградѣ.

Но военная власть обязана была сказать: и принимаю вашу жертву, но использую ее такъ, чтобы она дала странѣ наибольшую пользу, чтобы вы доставили мнѣ контингентъ не солдатъ, которыхъ у меня много, а офицеровъ, въ которыхъ чувствуется недостатокъ. И не думайте, что это—дань вашей привилегированности. Тутъ опасности не меньше, а труда больше. Тутъ прежде всего нужно знаніе: знаніе и солдата, и военной науки, и техники, и естественныхъ наукъ...

6.

Такъ, какъ отнеслась военная власть къ интеллигенціи въ этомъ частномъ случаѣ, къ ней необходимо относиться и въ остальныхъ областяхъ жизни.

Интеллигенція призвана на офицерскіе посты. Ея задачи—организаторскія. Надо, чтобы она приносила въ исполненіе ихъ весь присущій ей жертвенный пылъ. Но надо помнить, что безъ разума, безъ подлинной науки, безъ настоящаго реального соприкосновенія съ массами разрѣшеніе этихъ задачъ невозможно. Чтобы дѣйствовать надо знать „людей и вещи“.

А. С. Изгоевъ.

О БОЛГАРИИ.

Статья Е. П. Семенова.

Еще на прошлой недѣлѣ, узнавъ о грозящей нашей союзной и братской Сербіи опасности со стороны усиленной австрійской арміи на дунайскомъ фронтѣ, я обратился къ выдающемуся болгарскому дипломату за разъясненіемъ нынѣшней позиціи Болгаріи.

— Неужели же и теперь Болгарія останется съ врагами славянства, въ сторонѣ отъ Россіи, если даже и не противъ Россіи?—резюмировалъ я свои вопросы.

— Мы—съ врагами славянства?—запротестовалъ дипломатъ.—Насъ упрекаютъ въ измѣнѣ славянству, насъ, брошенныхъ, оставленныхъ на съѣденіе и сербовъ, и румынъ, и турокъ послѣ нашей роковой ошибки—второй балканской войны. „Когда, въ чемъ мы измѣнили славянству? Насъ